

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 1. С. 176–183. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 1, pp. 176–183. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09“19”

EDN UHKVRZ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-1-176-183>

М.С. ГРОМЕКА И К.Н. ЛЕОНТЬЕВ О «ПРОДОЛЖЕНИЯХ» РОМАНА «АННА КАРЕНИНА» Л.Н. ТОЛСТОГО

Андреева Валерия Геннадьевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва; Костромской государственный университет, Кострома, Россия, lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Аннотация. В статье предлагается сопоставление двух «продолжений» романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина», осуществленных М.С. Громекой и К.Н. Леонтьевым в критическом этюде и статье соответственно. Показано, что молодой и талантливый критик Громека попытался представить в своей работе своеобразную адаптацию романа, не только разъяснив читателям многие сюжетные моменты, но и показав духовно-нравственный поиск главного героя Левина и самого Толстого. Громека высоко ценил публицистические работы позднего Толстого, он утверждает идею «одного Толстого», последовательного и гармоничного развития взглядов писателя. Леонтьев возразил Громеке и создал в своей небольшой статье иное развитие судеб героев, поставив выше Толстого и Левина графа Алексея Вронского – человека светского, блестящего, являвшегося, по мнению критика, опорой монархии.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, М.С. Громека, К.Н. Леонтьев, роман «Анна Каренина», продолжение романа, критические отклики, судьбы героев.

Для цитирования: Андреева В.Г. М.С. Громека и К.Н. Леонтьев о «продолжениях» романа «Анна Каренина» Л.Н. Толстого // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 1. С. 176–183. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-1-176-183>

Research Article

MIKHAIL GROMEKA AND KONSTANTIN LEONTIEV ABOUT THE “SEQUELS” OF THE NOVEL “ANNA KARENINA” BY LEO TOLSTOY

Valeria G. Andreeva, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Kostroma State University, Russia, lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Abstract. The article offers a comparison of two “continuations” of Leo Tolstoy’s novel “Anna Karenina”, carried out by Mikhail Gromeka and Konstantin Leontiev in a critical study and an article, respectively. It is shown that the young and talented critic Gromeka tried to present in his work a unique adaptation of the novel, not only explaining many plot points to readers, but also showing the spiritual and moral search of the main character Konstantin Levin and Leo Tolstoy himself. Gromeka highly valued the journalistic works of Tolstoy in the later years, he asserts the idea of “one Tolstoy”, a consistent and harmonious development of the writer’s views. Leontiev objected to Gromeka and created a different development of the fates of the heroes in his short article, placing Count Alexei Vronsky, a secular, brilliant man, who, in the critic’s opinion, was the support of the monarchy, above Tolstoy and Levin.

Keywords: Leo Tolstoy, Mikhail Gromeka, Konstantin Leontiev, novel “Anna Karenina”, adaptation, novel continuation, critical responses, fates of heroes.

For citation: Andreeva V.G. Mikhail Gromeka and Konstantin Leontiev about the “sequels” of the novel “Anna Karenina” by Leo Tolstoy. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 1, pp. 176–183 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-1-176-183>

Три романа Л.Н. Толстого, и особенно его «допереломные» произведения этого жанра – «Война и мир» и «Анна Каренина», очень близки к жизни, остаются актуальными для разных поколений. И ключевые моменты, которые до сих пор интересуют читателей, связаны не с конкретными историческими ситуациями, а с героями, их поступками, решениями, поведенческими характеристиками. Работая с Толстым при подготовке первого книжного издания «Войны и мира», П.И. Бартенев в письме от 13 августа 1867 г. дал яркую характеристику только что прочитанному им эпизоду из романа-эпопеи: «Объяснение Безухого с женою и вся глава в Лысых Горах хороши до того, *что будут жить вечно*: еще лучшего места я не читал во всем романе» (курсив мой. – В. А.) [Толстой 61: 175]. И это «жить вечно» – именно про героев Толстого, про умение писателя понять характер человека, изобразить самые потаенные струны его души, показать мечты и желания.

Роман Толстого «Анна Каренина» критики и читатели и поняли, и не поняли одновременно. Для его глубинного осмысления нужно было быть конгениальным Толстому (как справедливо отмечал Н.Н. Страхов), суметь в короткий промежуток времени осмыслить и прочувствовать то, что писатель сумел заложить в своих героев. Однако даже в ситуации непонимания или недопонимания, при множестве узких и субъективных трактовок, роман не оставлял читателей равнодушными. Тех, кто не видел в художественном тексте Толстого «бесконечного лабиринта сцеплений», действия универсальных жизненных законов, привлекал яркий сюжет произведения, колоритные герои, их поведенческие характеристики, драматические развязки.

О проблеме толкования романа и осмыслении его сложной природы, о том, что Толстой гордился архитектурой романа и оригинальными сцеплениями компонентов изобразительности, о рифмовке эпизодов из двух сюжетных линий (Анны и Левина) мы достаточно подробно писали в нашей монографии, посвященной «Анне Карениной» [Андреева 2012].

В данной статье мы остановимся на двух оригинальных прочтениях и трактовках «Анны Карениной», которые принадлежат М.С. Громеке и К.Н. Леонтьеву. Среди множества критических заметок, статей и книг о романе они очень различаются по стилю и тону, по объему и выводам, по убеждениям и отношению к Толстому, но все-таки в некоторых моментах схожи. Во-первых, Леонтьев ориентировался на работу Громеки, создавая свою статью. Во-вторых, как и Громека и во многом вслед за ним, Леонтьев воплотил в своей статье продолжение романа «Анна Каренина», по-своему рассудив о том, «что случилось по смерти Анны Карениной».

Всем литературоведам хорошо известен тот факт, что восьмая часть «Анны Карениной» не была на-

печатана в журнале «Русский вестник», в котором до этого публиковался роман. Вместо нее в очередной книжке журнала вышла статья М.Н. Каткова «Что случилось по смерти Анны Карениной». Эта статья не стала «продолжением» произведения Толстого в том смысле, что Катков не взялся за представление историй разных героев писателя, не стал по-своему разворачивать их дальнейшую судьбу. Однако нельзя не учитывать тот факт, что программная статья Каткова появилась после обозначенной редакцией в финале седьмой части романа Толстого записи «Продолжение следует». Предложив вместо последней части произведения свою статью (такой поступок редактора привел к скандалу и разрыву с ним Толстого), Катков в некоторой степени «открыл» для других критиков и авторов идею специфического «использования» толстовского текста: не только его субъективной и пристрастной интерпретации (он однобоко оценил последнюю часть, противоречившую убеждениям редактора и позиции журнала, а также все произведение, центром которого он считал судьбу Анны Карениной), но и утверждения за счет текста Толстого «иных» правд, специфического расставления акцентов.

Последняя часть «Анны Карениной» была воспринята Катковым в штыки, так как Толстой достаточно двусмысленно и не вполне патриотично показал русских добровольцев, которые отправлялись в Сербию – спасать братьев-славян в войне против турок. По всей видимости, проправительственная позиция Каткова, личные убеждения главного редактора и критика не позволяли ему публиковать в своем издании такие дерзкие сцены, как разговор Левина с Кознышевым и Катавасовым и т. п. Между тем «подравнивание» впечатления от романа Толстого начало производиться Катковым гораздо ранее, когда не было еще истории с помощью братьям-славянам.

С октября 1875 г. в «Русском вестнике» начал публиковаться роман В.Г. Авсеенко «Млечный путь», который был написан им не только на основе подражания шедевр Толстого, но и по заказу М.Н. Каткова. В.Г. Авсеенко явно использовал канву и сюжет романа «Анна Каренина», он добивался значительного сходства художественных миров, для чего во многом повторял черты и характеристики героев Толстого в своих персонажах.

Можно сказать, что роман «Млечный путь» в некоторой степени оказался текстом-реакцией на роман Толстого (хотя и создавался почти параллельно). По распоряжению Каткова автор «Млечного пути» старался скорректировать впечатление от публикации «Анны Карениной» в «Русском вестнике», несколько изменить его, предлагая читателю иной взгляд на будущее России и «аристократии». С очень значительными оговорками можно сказать, что В.Г. Ав-

сеенко в определенной степени явился интерпретатором толстовского романа, поскольку в «Млечном пути» он создал копию отношений Алексея Вронского и Анны Карениной, изобразив Юхотского и Раису Михайловну. Как и Толстой, Авсеенко постарался показать, что страсть без любви пагубна для человека и окружающих его людей, что исключительная страсть подчиняет себе личность, ограничивает, сужает круг жизни человека.

Однако собственно адаптациями стало использование критиками – М.С. Громекой и К.Н. Леонтьевым – образов Толстого, его героев и, как мы уже отметили, создание своеобразных «послесловий» к роману Толстого, иллюстрирующих дальнейшие судьбы Левина, Кити, Вронского и других героев романа. С.В. Первухина справедливо отметила, что, «исходя из цели и ситуации создания вторичного текста, выделяются тексты-копии, тексты-продолжения и тексты-реакции» [Первухина: 60]. Разумеется, мы не можем применять данные характеристики собственно к целостным статьям Громеки и Леонтьева, но, учитывая предложенные ими вариации судеб персонажей, можно сказать, что перед нами своеобразная контаминация текстов-реакций и текстов-продолжений. Кроме того, критические произведения обоих авторов очень отличаются по объему, целям, композиции.

Михаил Степанович Громека (1852–1883) был литературным критиком по призванию и собственным устремлениям. К сожалению, он прожил очень недолгую жизнь, трагически окончившуюся. Выпускник историко-филологического факультета Московского университета, Громека рано испытал влияние педагогических идей и этического учения Л.Н. Толстого. Нельзя утверждать, что система взглядов Толстого, выраженная писателем в первых публицистических статьях и трактатах, ключевым образом изменила мировоззрение Громеки: взгляды его перекликались с позицией Толстого эпохи творческого кризиса и перелома. Однако для молодого критика Толстой стал главным и самым важным духовным наставником, учителем, Громека воспринимал себя в том числе и как последователя дела Толстого.

Знаменитая работа Громеки «О Толстом. Критический этюд по поводу романа “Анна Каренина”» выдержала несколько изданий. Сначала она вышла в журнале «Русская мысль» за 1883–1884 гг., а позднее была опубликована с вариативными названиями «Последние произведения гр. Л.Н. Толстого: Анна Каренина» или «Последние произведения графа Л.Н. Толстого. Критический этюд».

Толстой знал отца М.С. Громеки – публициста и чиновника полицейского ведомства, офицера Степана Степановича Громеку (1823–1877). Скорее всего, талант передался М.С. Громеке от отца, который явился автором интересных обличительных очер-

ков «О полиции вне полиции», содержавших немало резких суждений и вызвавших в конце 1850-х гг. серьезный резонанс. С.С. Громеку много обвиняли в подрыве авторитета полиции, он открыто выступал за свободу слова и печати. Т.В. Антонова отмечает, что «Громека был одним из немногих российских общественных деятелей, который в конце 1850-х – начале 1860-х гг. сотрудничал с изданиями различной идейной направленности, провозглашая “бесхарактерность” вместо жесткого “партийного” размежевания. Его корреспонденции для лондонского “Колокола”, публикации в катковском “Русском Вестнике”, хроники в “Отечественных записках” Краевского были мотивированы стремлением поддержать процесс обновления страны. Они декларировали ценность личной свободы, гражданское равенство в правах и равенство возможностей независимо от сословной принадлежности человека» [Антонова: 20].

С.С. Громека вместе с Л.Н. Толстым, Н.Н. Толстым, А.А. Фетом и крестьянином А. Осташковым участвовали в медвежьей охоте в декабре 1858 г., во время которой на Толстого вышла медведица, напавшая на писателя, провалившегося в глубокий снег. А в письме от 10 марта 1859 г. из Петербурга Толстой обратился к С.С. Громеке за помощью по поводу выдачи своего чемодана с французскими буквами LT: «Выручите меня, любезный Степан Степанович. Я с охоты поехал сюда и написал в Москву, чтобы мне прислали в Питер вещи на имя Александр Васильевича Дружинина. Вещи выслали, но без ярлыка и номера, а говорят, что есть, но не выдают. Окажите протекцию» [Толстой 60: 280].

Старшего Громеку Толстой воспринимал как ровесника и человека сложившихся взглядов и убеждений. К младшему Громеке Толстой относился, конечно, несколько покровительственно, желал видеть в нем соратника и единомышленника.

В январе 1883 г. Громека был в гостях у Толстого. Познакомился он с писателем еще в 1874 г., когда был у него студентом. А на рубеже 1882–1883 гг. Громека приехал в Москву в связи с печатанием статьи и сошелся с Толстым уже как критик с любимым автором и уважаемым наставником. Г.В. Краснов отмечает: «В начале 1883 г. состоялась встреча Громеки с Толстым. Под ее обаянием Громека вел своеобразный дневник своих протолстовских переживаний. В письме от 25 января 1883 г. он признался: “Я простился с Вами 15 числа, и не было ни дня и часа, когда бы я не думал о Вас и обо всем, что Ваше...”» [Краснов: 165].

Насколько можно судить по переписке Толстого и Громеки, общение это было приятно обоим. Уже первое письмо Толстого от января 1883 г., в котором писатель упоминает о статье Громеки, позволяет говорить о том, что критическая работа молодого

го человека стала во многом «адаптацией» романа «Анна Каренина». Толстой писал: «Я не могу сказать, что мне нравится или я одобряю то, что я прочел, как не может сказать человек, что ему нравятся те его слова, которые передал переводчик так, что слова прежде непонятные стали понятны. Я испытал только то облегчение, которое испытывает этот говорящий среди непонимающих его на чуждом языке, когда нашел переводчика, чтобы восстановить его человеческую связь с другим. Разумеется, переводчик приложил своего и в переводе выходит уж слишком хорошо» [Толстой 63: 129–130]. Конечно, Толстой в данном случае не лукавит и даже не приукрашивает работу Громеки. Для нас примечательно, что писатель констатирует всё то, что отличает как раз удачную адаптацию сложного и глубокого текста. Толстой отмечает другую форму адаптации (в отличие от оригинала, от художественного произведения), глубокую смысловую связь обоих текстов, более легкую способность адаптированной версии устанавливать диалог с читателем, благодаря которому появляется, соответственно, и диалог исходного текста с реципиентом. Финальное предложение Толстого о том, что «выходит слишком хорошо», – многозначно. Для Толстого оно было связано, конечно, с желанием отметить труд критика и несколько превознести призывный и пояснительный момент в публицистике над художественным творчеством (в начале 1880-х гг.). Между тем это предложение (может быть, и вне воли писателя) иллюстрирует глубинную разницу между исходным текстом и адаптацией.

В следующем письме к Громеке от февраля 1883 г. Толстой в финале упоминает о труде писателя, от которого он отказался не столько из-за нежелания писать художественное, сколько из надобности сказать теперь другое слово, более четкое и необходимое, соответствующее времени: «Мне часто говорят: пишите художественное и т. д. Я всей душой бы рад и кажется, что есть что, да кто же то напишет, что я теперь пишу. Пусть кто-нибудь снимет с меня это дело или покажет мне, что оно не нужно, или сделает его – в ножки поклонюсь» [Толстой 63: 131].

Вся статья Громеки, посвященная «Анне Карениной», на самом деле, показывает желание автора объяснить читателям скрытые и не понятые публикой смыслы произведения. Не случайно текстовый и видеоматериал, выложенный на сайте Государственного музея Толстого и посвященный М.С. Громеке, коллеги называли «Критик, объяснивший “Анну Каренину”»: Михаил Степанович Громека».

В то время как многие читатели, критики и журналисты судили толстовскую героиню Анну по ее поступкам и действиям, по совершающимся в романе внешним явлениям и шагам героев, Громека одним из первых показал, что для романа «Анна Карени-

на» чрезвычайно важна оценка того, с каких величин начинают свое движение герои, под какое влияние они попадают, будучи не в состоянии каким-то образом влиять на свою собственную судьбу. Для иллюстрации объяснений критика приведем две цитаты из его статьи. Молодой еще человек очень хорошо осознал, что главная беда и проблема Анны была в том, что Каренин оказался человеком, совсем для нее не подходящим. Каренин, может быть, был бы отличным мужем и семьянином, но не с Анной: «Завязка ее трагического романа лежала не в случайной встрече с Вронским, а раньше – в ее замужестве с человеком, ей внутренне чуждым, не могшим дать ей того, что ей было нужно – живой и страстной любви живого и страстного человека. Каренин был тип теоретика-бюрократа; он был прекрасный человек, но совсем не для Анны» [Громека: 9]. Далее в работе идет объяснение, почему Анне нужен был именно такой человек, как Вронский. А следом Громека объясняет читателям причину непонимания романа Толстого как глубокого психолога, скрытые параллели которого, показанные в художественном мире романа, смогли осмыслить лишь единицы: «Люди редко знают законы своей душевной природы; они всегда склонны думать, что все в их душе так же гладко и условно-просто, как в их уме: люди сходятся, влюбляются в других, расходятся с прежними и соединяются с новыми привязанностями, – коротко-де и ясно. Но глубокий психолог говорит им: неправда, чувство вырастает не сразу, – оно долго борется со множеством сложных, враждебных ему сил и не сразу переходит в действие» [Громека: 24].

Громека достаточно подробно пишет о разных героях Толстого, особенно о женских образах – Анне, Долли, Марье Николаевне, Китти. Критик отмечает, что роман получился у Толстого семейный и философский, а при этом и общественный, в художественном мире «Анна Карениной», по словам Громеки, представлены все слои общества.

Своеобразное «продолжение» романа Толстого начинается с XXI части статьи Громеки. Критик, размышляя о жажде правды главным автобиографическим героем Толстого и самим автором, засыпает и переносится в гости к Левину, в его имение. «Продолжая» одну из сюжетных линий романа Толстого, Громека постоянно связывает свой текст с романом Толстого. Так, книга, лежащая на столе Левина, видится ему трактатом о сельском хозяйстве, который писал Левин в «Анне Карениной». А дальше Громека прямо ассоциирует видимый им интерьер с обстановкой в Покровском в романе Толстого и происшествиями в жизни персонажей: «Вот у этого стола Китти после свадьбы сидела с мужем и вырезывала *broderie anglaise*. Тут они и чай пили с Агафьей Михайловной в тот вечер, когда получили письмо от Марьи Нико-

лаевны что Левин при смерти. И что теперь будет делать бедная Долли? И какие она все теперь стала?» [Громека: 115–116].

Критик начинает свое причудливое повествование с Левиным в главной роли спустя десять лет после тех событий, которыми завершился роман Толстого. Герой Громеки (то есть фактически сам критик) встречает в гостиной только Левина и Долли в трауре, да ее детей. Собственно, именно Левин рассказывает в этой части статьи, что стало с героями Толстого, однако для самого Левина это, конечно, рассказ не о романе, а о живых людях – его родственниках, близких, друзьях и знакомых. Оживляя Левина и ряд других персонажей и предлагая свой вариант «продолжения» «Анны Карениной», Громека смешивает, конечно, те грани художественной правды и вымысла, которые были в романе Толстого.

Истории знакомых ему людей Левин рассказывает Громеке буквально за несколько минут: критик предлагает читателю сразу же узнать сжатую и емкую историю судеб (собственно, такая расстановка сил и фигур виделась критику не только справедливой и реалистичной, но и нужна была, как мы далее покажем, для прославления Левина как alter-ego Толстого).

Мы узнаем, что старые князь и княгиня Щербацкие умерли, Львов и его жена, средняя дочь Щербацких, живут в Италии, где в момент приезда Громеки и гостит Китти. Левин рассказывает и о Каренине: «Каренин получил размягчение мозга. Его поместила графиня Лидия Ивановна где-то в Швейцарии у одного знаменитого психиатра и сама поселилась около него» [Громека: 118]. И далее, не дожидаясь вопроса Громеки, сообщает о Вронском: «Вронский сделал всю Сербскую и Турецкую кампании и под Сан-Стефано умер от пятнистого тифа. Жена его брата ездила за телом и похоронила его в Петербурге рядом с могилой Анны Аркадьевны» [Громека: 118].

Примечательно, что рассказ Левина то и дело перемежается Громекой указанием собственного состояния – одобрение, грусть, сожаление позволяют критику направлять эмоциональную реакцию читателя по определенному пути. Выдуманные далее истории судеб разных героев романа нужны Громеке только для поддержания эффекта реальности, в большей степени как важный жизненный фон для истории самого Левина. Громека, собственно, к Левину и приезжает для того, чтобы расспросить героя Толстого о его духовно-нравственном поиске. В критической статье, воссоздающей продолжение «Анны Карениной», фигура Толстого как писателя отступает на второй и даже третий план, а Левин в настоящем (десять лет спустя после времени действия романа) становится фактически самим Толстым или Толстой – Левиным. Все трепетное отношение Громеки к писателю, глубокая вера в него и его дело отразились в его кри-

тической статье. В постаревшем Левине легко угадывается Толстой. Это видно и по деталям портрета, к примеру, Громека не раз подчеркивает жесты Толстого, его привычку хмурить седые брови. Но более всего перевоплощение становится ясным по тому, что Левин начинает вести беседу с Громекой, высказываясь словами Толстого из «Исповеди», причем критик очень удачно вписывает большие реплики-цитаты в уста Левина, периодически перемежая разговор упоминанием о героях и о Толстом – как писателе, который когда-то создал роман о Левине:

«В столовой сидели Агафья Михайловна и Долли. Старушка разрезывала холодный ростбиф, а Долли, слегка сторбившись, сидела в креслах, поставленных боком к столу, и что-то читала.

– Ну, что, кончили все говорить о гр. Толстом? – спросила нас Долли.

– Нет, мы еще только начинаем до него добираться, – сказал Левин, изредка, незаметно для Долли, вглядываясь внимательно в выражение ее лица» [Громека: 127].

Как мы уже отметили выше, только глубокое уважение Толстого и даже преклонение перед ним позволили Громеке создать его критический этюд, в котором очень гармонично показано, насколько в большой мере автобиографическим героем в романе «Анна Каренина» был Левин. Более того, Громека постарался изобразить тот путь Толстого, который оборвался с завершением романа.

Интертекстуальность статьи Громеки поддерживается за счет не только упоминания героев Толстого и создания «послесловия» к роману, но и за счет использования множества биографических событий из жизни самого Толстого, а преимущественно – объемных цитат из его публицистики.

Очень важно, что критик связывает два периода жизни Толстого (допереломный и послепереломный) и даже предлагает читателю объяснение отхода Толстого от писательского труда (не случайно Левин-Толстой, то есть Левин, говорящий в «продолжении», или адаптации, Громеки словами Толстого, не художник, а проповедник, философ, учитель жизни).

Толстой очень положительно и высоко оценил труд Громеки: «Сейчас прочел вашу 3-ю статью. Она мне очень нравится» [Толстой 63: 136]. Громека фактически не успел увидеть выхода в свет своей книги о Толстом. Сначала врачи запретили ему работать из-за серьезного душевного расстройства. Об этом Громека сообщал Толстому в письме от апреля 1883 г. Толстой ответил Громеке только 15–31 августа 1883 г. (в точности нельзя сказать, на какое именно письмо отвечал писатель). Толстой извинялся за промедление с ответом, поскольку понимал тяжесть состояния молодого критика: «У меня как преступление на совести Ваше последнее письмо» [Толстой 63: 137]. Писатель очень

дорожил талантливым молодым человеком, сетовал на себя за некоторое невнимание к нему: «Я очень ценю вас, высоко ставлю и люблю, так вы, пожалуйста, не имейте на меня досады, а пишите мне» [Толстой 63: 137]. Толстой спрашивал о состоянии Громеки: «Что Вы и Ваше здоровье? Где Вы провели лето?» [Толстой 63: 137]. На этом переписка Толстого и Громеки обрывается, Громека оказался в лечебнице для душевнобольных, где и покончил с собой в конце декабря 1883 г.

Второй «вариант» «послесловия» к «Анне Карениной» создал К.Н. Леонтьев в статье «Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой». Статья Леонтьева была написана спустя фактически 5 лет после завершения работы Громеки и по смыслу глубинно с ней перекликается. Леонтьев и не скрывает того, что его небольшая статья написана по следам объемной книги Громеки: «Роман “Анна Каренина” имеет в себе такое множество достоинств самого высшего разбора, что о нем стоит написать целую особую книгу, и даже большую, как и сделал недавно умерший молодой и даровитый критик Громека (Последние произведения гр. Л.Н. Толстого. Москва, 1885 г.)» [Леонтьев].

Леонтьев продуманно выстраивает свою статью, издав ее под углом к предмету разговора, не формулируя его сразу и конкретно. То есть говорить о военных критик начинает с первого же предложения своей работы: «Было время, когда я не любил военных. Я был тогда очень молод; но, к счастью, это длилось недолго!» [Леонтьев], однако до разговора о Толстом он доходит к середине статьи.

В построении и написании статьи Леонтьевым видится огромная любовь к самому себе, своим эстетическим вкусам и предпочтениям (которые критик считает неоспоримыми). Леонтьев продумывает композицию работы таким образом, чтобы через противоречие, то есть логичное противопоставление своей нынешней позиции взглядам собственной молодости, выйти к утверждениям, которые имели бы уже непререкаемый авторитет для читателя: «Я сам удивляюсь, как могли совмещаться тогда в неопытной душе моей самые несовместимые вкусы и мнения! Удивляюсь себе; но зато понимаю иногда очень хорошо и нынешних запутанных и сбивших с толку молодых людей. И одних ли молодых только?.. Разве у нас мало и старых глупцов?» [Леонтьев].

Критик нередко бывает резок, занимая прогосударственную, монархическую позицию, выступая за сильную армию, он чувствует уверенность в своих словах. При этом Леонтьев остается эстетом, для которого часто форма (символизирующая элементы принадлежности к высшему свету, высочайшим эшелонам царской армии) гораздо важнее содержания: «В действительной жизни для того, у кого извращенный в основах дух отходящего скоро в вечность

XIX века не исказил изящного вкуса и не убил здравого смысла, — военный будет всегда выше штатского, конечно при всех остальных равных условиях со стороны ума, характера, воспитания, красоты и силы телесной и т. д.» [Леонтьев].

К середине статьи Леонтьев переходит к ключевому вопросу, обозначенному в заглавии, — сравнению двух военных: писателя Л.Н. Толстого, который в молодые годы был военным, и его героя Алексея Вронского, являющегося военным в романе «Анна Каренина», в финале произведения отправляющегося на Русско-турецкую войну. В отличие от Громеки, писавшего о единых взглядах Толстого и наглядно продемонстрировавшего переход Толстого (и его героя Левина) от 1870-х гг. в 1880-е, Леонтьев очень четко различает Толстого как автора «Войны и мира», «Анны Карениной» и Толстого — моралиста и проповедника. Если Громека отметил преемственность взглядов писателя, то Леонтьев иллюстрирует их полярность: «Тот Лев — живой и могучий; а этот, этот — что такое?.. Что он — искусный притворщик или человек искренний, но впавший в какое-то своего рода умственное детство?.. Трудно решить... Расчет, однако, верный на рационалистическое слабоумие читателей!» [Леонтьев].

Громека выступил последователем Толстого, горячим его сторонником, Леонтьев доходит фактически до оскорблений в адрес писателя, упрекая его в жестокости, слабоумии и тщеславии: «Что-нибудь одно из двух: если новый Толстой не понимает такой простой вещи, что колебать веру в Бога и Церковь у людей неопытных, или слабых, или поверхностно воспитанных есть не любовь, а жестокость и преступление, то как ни даровит был Толстой прежний — этот новый Толстой и в этом частном вопросе просто выжил из своего ума! Или же если он и тут не совсем опутался в мыслях, а придумал только, чем бы еще неожиданным на склоне лет прославиться, то как это назвать — я спрашиваю?» [Леонтьев].

Для Леонтьева не стоит вопроса о силе, об истинном и ложном в Церкви как социальном институте, о специфике воспитания и образования русского народа и том огромном расслоении, которое было в XIX в. Граф Толстой выбран объектом нападения критика. Леонтьев занимал позицию, противоположную взглядам Громеки, поэтому он не скрывает, что и продолжение романа «Анна Каренина», и вариации судеб героев были бы у него совсем другими. В своей статье Леонтьев сначала кратко упоминает придуманные Громекой дальнейшие истории героев «Анны Карениной»: «Из главных действующих лиц романа в эпилоге Громеки мы встречаем только Китти, жену Левина, и его свояченицу Долли, уже вдовой... Легкомысленный и обворожительный муж Долли, князь Облонский, умер; скончался так-

же и граф Вронский от тифа во время последней нашей войны» [Леонтьев].

Не приемлющий толстовского порыва и стремления прийти к осмысленной вере, разобраться в самом себе и собственной жизни, усвоивший внешнюю форму, государственную религию и однозначно одобряющий ее внешнюю сторону (внутренняя была для Леонтьева не так и важна), критик отталкивается от «послесловия» к роману Громеки, полностью его переворачивая: «Я нахожу, что без них стало гораздо скучнее на свете и пустее, и мрачнее. Если бы я вздумал подражать Громеке, я бы распорядился иначе судьбою действующих лиц. У меня Вронский непременно был бы не только жив, но и прославлен подвигами под Плевной, на Шипке и в Балканских снегах. Облонского судьбу я, право, не знаю, как бы решить; но если уж в эпилоге моем нужно кому-нибудь умереть, то у меня умерла бы скорее эта незначительная и практическая Китти; а Левина... я после этого удара или заставил бы смириться перед Церковью...» [Леонтьев].

Обратим внимание на тот факт, что книга Громеки по стилю и тону очень ясная и ровная, критик чутко и с пониманием относится ко всем героям Толстого, в том числе к Каренину или Вронскому (героям в целом положительным, но несколько сбившимся с пути, потерявшим жизненный «баланс»). Леонтьев в этом плане гораздо более резок и не выдержан, во многом и субъективен. Чего стоит хотя бы эта фраза: «Легкомысленный и обворожительный муж Долли, князь Облонский, умер; скончался также и граф Вронский от тифа во время последней нашей войны. Я нахожу, что без них стало гораздо скучнее на свете и пустее, и мрачнее» [Леонтьев].

Леонтьев принимал Толстого как певца высшего света, графа, творчество которого было обращено преимущественно в сторону аристократии – людей образованных, воспитанных, не чуждающихся света и даже жизни придворной. Обращение Толстого к простому народу, желание понять крестьянских тружеников, помочь им подняться с колен, самоотверженный труд писателя были Леонтьеву неблизки и непонятны. Взгляд критика был обращен в сторону блестящего, яркого, цветущего в России – того, чем можно было любоваться. Н.Р. Киреева справедливо отметила, что «эстетизм во внутреннем мире К. Леонтьева сидел так глубоко, что он стал в известном смысле “автономным”, с тенденцией определять все иные сферы духовной жизни» [Киреева: 3].

Таким образом, два варианта «послесловия» к роману Толстого «Анна Каренина», или две почти противоположных истории дальнейших судеб толстовских персонажей, как мы постарались показать, имели несхожие цели. Громека в своем объемном критическом этюде постарался объяснить читателям

многие моменты «Анны Карениной» и далее провел линию сопоставлений между автобиографическим героем Левиным и автором, используя фигуру Левина для иллюстрации логичности толстовского перехода к публицистике. Молодой критик был склонен к самоумалению, выдвижению вперед, на первый план гения писателя и жизненности изображенных им образов, актуальности поднятых им проблем. По всей видимости, об эгоизме и правильном отношении к себе Громека не раз говорил с Толстым лично, не случайно в письме от 1–4 апреля 1883 г. Толстой писал Громеке: «Постарайтесь не иметь ни ко мне, ни к кому нелюбовных чувств. И забывайте о себе. Это одно средство чтобы жить» [Толстой 63: 136]. Леонтьев в своей небольшой, но концептуальной статье выдвигает вперед не столько обоснованную точку зрения, сколько свои приоритеты и предпочтения, часто основанные на внешнем впечатлении и эстетическом подходе критика. Примечательно, что и Громека, и Леонтьев активно используют первичный текст романа, а также сюжет, систему героев «Анны Карениной» как ту картину мира, от которой они отталкиваются в своих критических этюде и статье, а также «продолжениях» романа как важной структурной и смысловой части их работ. В статьях обоих критиков мы видим характерную для адаптаций и вторичных текстов (какими стали «послесловия» к роману) содержательную и сюжетную связь источника и «вторичного текста». Нельзя не учесть и элементов фантастичности вторичного текста у Громеки и Леонтьева. Эта фантастичность была введена Громекой (за счет изображения сна, в который он погрузился) и продолжена, как бы подхвачена Леонтьевым, который изобразил не просто свое «послесловие», но также и антитезу к истории Громеки.

Список литературы

Источники

Громека М.С. О Толстом: Критический этюд по поводу романа «Анна Каренина». 5-е изд., доп. двумя заключительными главами, впервые появляющимися в печати. Москва: Тип. Сытина и К., 1893. 211 с.

Леонтьев К.Н. Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой. URL: http://az.lib.ru/l/leontxew_k_n/text_0080.shtml (дата обращения: 21.11.2024).

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Москва: Худож. лит., 1928–1958.

Исследования

Андреева В.Г. «Бесконечный лабиринт сцеплений» в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Кострома: Авантитул, 2012. 290 с.

Антонова Т.В. Из истории русской журналистики пореформенного периода: программа «мирного про-

гресса» С.С. Громеки // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2017. № 1. С. 7–22.

Киреева Н.Р. Эстетизм К.Н. Леонтьева и образ среднего европейца // Философское образование. 2006. № 14. С. 30–32.

Краснов Г.В. Громека Михаил Степанович // Лев Толстой и его современники: Энциклопедия. Москва: Парад, 2010. С. 165–166.

Первухина С.В. Адаптированный текст: развитие понятия // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 1. С. 59–63.

Феномен эпического романа в русской литературе второй половины XIX века: И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский. Кострома: Костромской государственный университет, 2022. 512 с.

References

Andreeva V.G. “Beskonechnyi labirint stseplenii” v romane L.N. Tolstogo “Anna Karenina” [“The Endless Labyrinth of Linkages” in Leo Tolstoy’s Novel “Anna Karenina”]. Kostroma, Avantitul Publ., 2012, 290 p. (In Russ.)

Antonova T.V. Iz istorii russkoi zhurnalistiki poreformennogo perioda: programma “mirnogo progressa” S.S. Gromeki [From the History of Russian Journalism in the Post-Reform Period: S.S. Gromeka’s “Peaceful Progress” Program]. Lokus: liudi, obshchestvo, kul'tury, smysl [Locus: People, Society, Cultures, Meanings], 2017, no. 1, pp. 7–22. (In Russ.)

Fenomen epicheskogo romana v russkoi literature vtoroi poloviny XIX veka: I.A. Goncharov, I.S. Turgenev, L.N. Tolstoi, F.M. Dostoevskii [The Phenomenon of the Epic Novel in Russian Literature of the Second Half of the 19th Century: I.A. Goncharov, I.S. Turgenev, L.N. Tolstoy, F.M. Dostoevsky]. Kostroma, Kostromskoi gosudarstvennyi universitet Publ., 2022, 512 p. (In Russ.)

Kireeva N.R. Estetizm, K.N. “Leont'eva i obraz srednego evropeitsa” [“Leontiev’s Aestheticism and the Image of the Average European”]. *Filosofskoe obrazovanie* [Filosophical Education], 2006, no. 14, pp. 30–32. (In Russ.)

Krasnov G.V. *Gromeka Mikhail Stepanovich* [Mikhail Stepanovich Gromeka]. *Lev Tolstoi i ego sovremenniki. Entsiklopediia* [Leo Tolstoy and His Contemporaries. Encyclopedia]. Moscow, Parad Publ., 2010, pp. 165–166. (In Russ.)

Pervukhina S.V. *Adaptirovanniy tekst: razvitie poniatii* [Adapted text: development of the concept]. *Uchenye zapiski petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Petrozavodsk state university], 2015, no. 1, pp. 59–63. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.01.2025; одобрена после рецензирования 26.01.2025; принята к публикации 30.01.2025.

The article was submitted 10.01.2025; approved after reviewing 26.01.2025; accepted for publication 30.01.2025.